

Писатель и читатель

Успехами нашей советской литературы гордится весь народ. Имя писателя мы, читатели, произносим с глубоким уважением и, надо сказать, произносим чаще, чем думают писатели. Герои художественных произведений прочно входят в нашу жизнь, быт, производство. В них мы узнаем черты наших товарищ, стиль, благодаря мастерству писателя, более яркими, более реалистичными. Герой произведения нередко становится образцом для подражания.

Художественное мастерство писателя заставляет героя книги жить жизнью миллионов людей, думать их думами, итти их путем и звать вперед. Именно это качество романов, повестей и рассказов советских писателей сродни их народу, сделали литературу кровным народным делом. Книга стала насыщенной необходимостью каждого рабочего, инженера, колхозника. Мы очень ревниво относимся ко всякому новому произведению,вшему в нем то новое, что должно помочь нам сделать еще шаг вперед.

Большую радость доставляет литератору общественное признание его труда. Поэтому мы и хотим сообщить, как отмеченные недавно главы из нового романа Владимира Попова «Три фронта» не только заинтересовали и увлекли нас по-казом мыслей и чувств советских людей, рабочих, но и помогли решить одну из важных задач производства.

Наш цех был в прорыве. Мы задолжали народному хозяйству сотни тонн стали. Каждый работник завода стремился нам помочь, чем только мог.

Звонок из библиотеки — просят срочно зайти. Мы привыкли к различного рода срочным вызовам, но чтобы срочно вызвали библиотека — такого еще не бывало. Разговор был короток:

— Вы все еще отстаете?

— Сожалению, да.

— Прочитайте. Может быть, поможет.

Газета с отрывком из романа Владимира Попова пошла по рукам. Писатель рассказывал о борьбе рабочего коллектива за выполнение государственного задания. Речь шла о том, как на одном заводе, тоже находившемся в прорыве, организовали коллективный обмен опытом. К единой марленовской печи собирались лучшие рабочие из разных brigad. Каждый из них вносил в технологический процесс самое лучшее, что есть в его богатом опыте мастира, и таким образом своячная brigada собирала воедино бесценный капитал, по крупицам хранившийся в brigадах.

Мы не знаем, где увидел это начинание писатель, но то, что мы прочли, раскрыло перед нами новые большие перспективы. Произведение писателя захватило и ставлеваров своей жизненной правдивостью. Мысль о коллективном обмене опытом просияла перед глазами страницы книги на рабочую площадку марленовских печей.

Мы решили создать аналогичную, близкую Заправке марлену, поручили Якова Тарану, завалку — Афанасию Хрептикову, плавление — Федору Кузему, а по следнюю операцию — полировку и доводку плавки — единодушно доверили опять-таки Афанасию Хрептикову. Все эти люди многократно показывали высокое искусство ставлеварения, у каждого за плечами огромный опыт. Договорились о безусловном получении всех одному человеку, ведущему ту или иную операцию, работы и ряд технических вопросов.

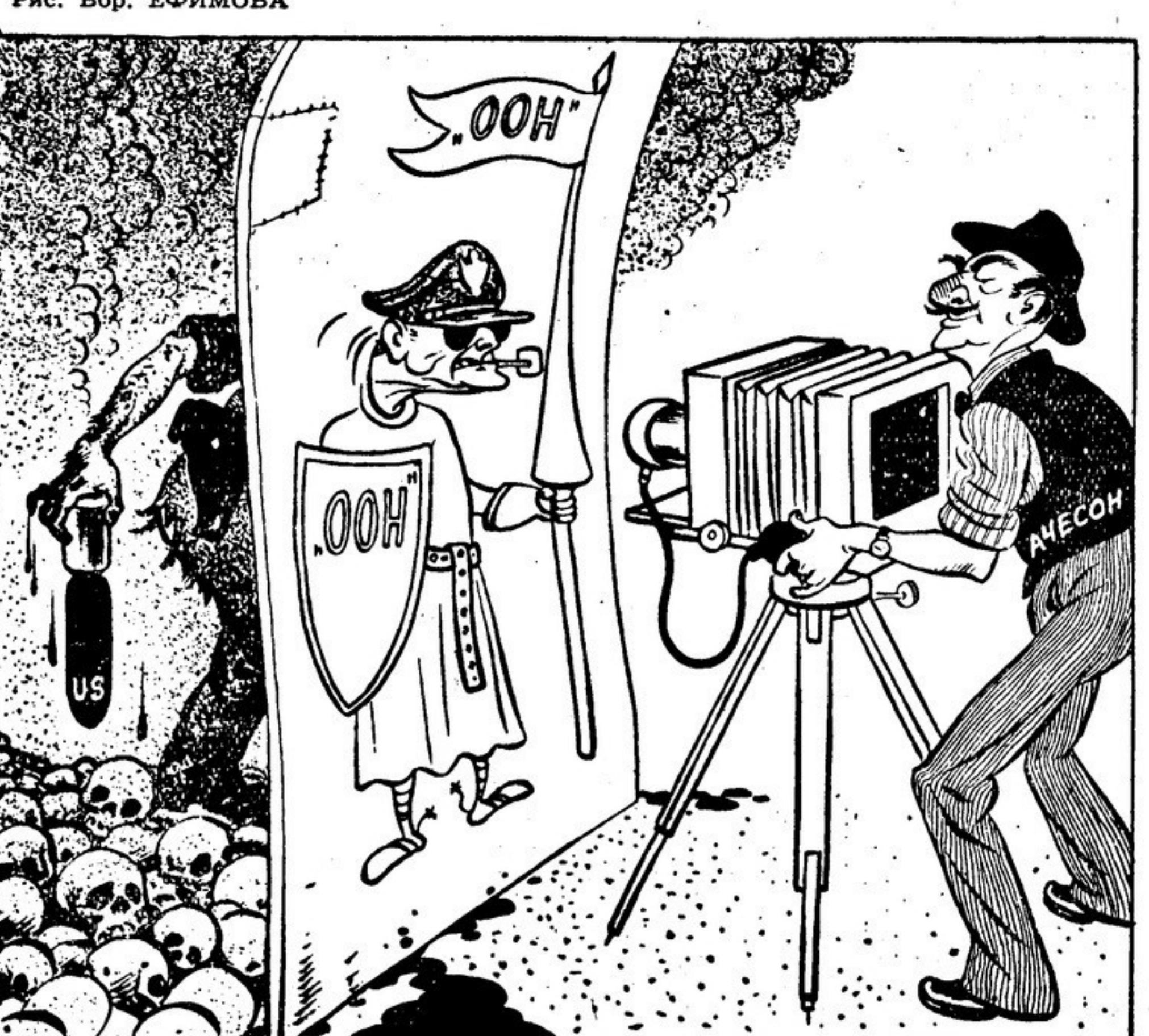
На другой день с утра новаторы приступили за дело. Первым же операция — заправка печи — дала блестящие результаты: она была проведена за 8 минут вместо 30 по графику. Опытные ставлевары, каждый с лопатой в руках, перенимали у Якова Тарана особенности его работы — использование инерции движений, уменьшающей затрату мускульной силы. Таран не имел «заготовок секретов» — он давно отдал их коллективу. Но были индивидуальные особенности, тонкие оттенки в работе Якова. И сейчас он передавал их товарищам.

Ставлевар Хрептиков, ставший на командный пост для завалки шихты, показал, какое значение имеет учет всех «мелочей»: как открыть крышку завалочного окна в тот самый момент, когда завалочная машина подносит влитую в окну музыку с шихтой, чтобы опустить крышку, не задев порою мульду, когда она выходит из машины из печи, как распределить материал по подиуме с учетом тепловых особенностей агрегата.

ФАЛЬШИВКА МИСТЕРА АЧЕСОНА

Американская печать и официальные представители правительства скрывают от общественности массы США зарубежный развод, который осуществил американские войска в Корее. Государственный секретарь Ачесон, выступая недавно на пресс-конференции, заявил, что он с благодарностью гордостью взирает «на доблестного, величайшего чувство вдохновения, генерала Макартура».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Подлинного Макартура не скрыть!

Федор Купый, напрягая все свое внимание на соблюдении предельно допустимого тепло-вого режима, с благодарностью попадал на Хрептикова, который подготовил печь для скоростного плавления.

Когда Хрептиков вторично принял командование, зачернив ложкой первую пробу расплавленного металла, с благодарностью — победа обеспечена!

Сталь была сварена за 5 часов 5 минут вместо 7 часов по графику.

Следующая плавка прошла так же удачно: съем стали с 1 квадратного метра доходит 7 тонн вместо 4,2 тонны.

Пора было уходить домой, но после достигнутого успеха всем захотелось остановиться в цехе. Мы говорили о проведенной смене, обсуждали подобную каждую операцию. И вспоминали писателя Попова. Он вместе с нами варила сталь. И ему большое рабочее спасибо за помощь.

Вторая благодарность — библиотека. Окажись там равнодушные люди, может быть, мы в тревогах за план и не заместили бы этого открытия.

Участники первой показательной плавки украшены не только специальными знаками, но прежде всего коммунистическое отношение к опыту творящий. Мартеновцы обязались дать до конца месяца 50 скоростных плавок — сварили 52. Это намного больше, чем за предыдущие три месяца, вместе взятых.

Соревнование увлекло все brigady. Ставлевар Харченко и мастер Сараев сварили свою плавку за 4 часа 55 минут. Это небывалый для нас рекорд — время плавки сократилось на 2 часа 5 минут против графика. Вскоре ставлевары рапортовали о ликвидации задолженности за первый квартал и о перевыполнении плана, заданного на начало года.

Вот какое значение у нас на заводе имел толчок, данный писателем.

Мы вправе требовать романов, поэмы, рассказов, в которых подводят итог тому, как это случилось с главой романа В. Попова, мы нашли бы для себя нечто новое, что обогатило бы нашу жизнь, подвигнуло бы еще нас к коммунизму.

Не поймите нас так, что мы, дескать, требуем от писателя переложения в художественной форме производственной инструкции. Нет, конечно! Прежде всего мы хотим, чтобы писатель показал нам духовный мир советского человека, чтобы в книге мы видели человека, жизненный путь которого мог бы служить нам примером. Нам кажется, что писатель должен неустанный искать и находить то новое, что рождается в любом коллективе советских людей каждый день. Писатель, инженер человеческих душ, обязан по крупицам собирать черточки коммунистического зачина и переносить эти крупицы завтрашнего в наше сегодня. Мы хотим, чтобы авторы романов и повестей не только показывали уже происшедшие события (это делать надо обязательно), но и глядили бы вперед, в маленьком начинании одного какого-нибудь рабочего сумраста, на них начинали свою трудовую жизнь немногие полотнянозаводские ветераны труда.

За годы советской власти бумажная фабрика значительно выросла. Она дает школьникам нашей страны десятки миллионов превосходных тетрадей. Тетради делаются на фабрике из бумаги собственного производства.

Соседняя фабрика — Троицкая на реке Шане — несколько моложе. Бумажники Троицкой вырабатывают высококачественный пергамент, телеграфные ленты всех видов... И эта фабрика, здания которой похожи на музей, также систематически перевыполняет план.

В полутора километрах от Троицкой

работает на той же реке Шане Кондринская

бумажная фабрика — самая мощная и са-

мая молодая из трех бумажных фабрик Калужской области.

«Молодость» ее, правда, относительна: фабрика основана в 1800 году при Павле I, и в нынешнем году кондринцы будут отмечать ее столетие.

Продукция фабрики известна всей стране. На офсетной кондринской бумаге печатаются сатирические журналы «Крокодил» и «Перец», цветные вкладки и обложки «Огонька», «Смены», «Работницы», журналь «Мурзилка», плакаты, многокрасочные картины. На бумаге этой же фабрики отпечатано академическое издание сочинений А. С. Пушкина.

На трех фабриках, о которых идет речь, можно встретить стариков, чьи сыны и внуки работают в тех же цехах, где работали отцы, деды, прадеды этих стариков. Искусство делать бумагу переходит здесь по наследству, из рода в род. И фамилии потомственных бумажников переходят в фамильных списках из века в век.

Это мастера высокого класса. Когда рабочие говорят, что нет такого sorta бумаги, какими они не смогли бы выпустить из

нас, то в коем случае! Мы знаем, что художественное мастерство достигается долгим и упорным трудом. Нам нужны книги-сокровища. Речь идет о том, чтобы писатель в главах ли будущего романа, в отрывках или очерках рассказал сегодня о том значительном, что он увидел. Русская и советская литература имеют в этом отношении значительный опыт.

Наш народ строит коммунизм. Строит его под руководством нашей ленинско-сталинской партии, под водительством товарища Сталина. В нашем рабочем строю писатель принадлежит почетное и ответственное место.

Н. КАНДЛЕР, зам. начальника фасонно-сталинского цеха, Н. ГОРЮНОВ, ставлевар, И. ЕРЕМЕЕВ, газовщик, И. МУРАВЬКО, разливщик, М. АСТАХОВ, секретарь цеховой партиорганизации, С. МАРКОВ, начальник цеха. ДНЕПРОПЕТРОВСК, Завод металлургического оборудования

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАЗЕТА

№ 71 (2662)

Суббота, 19 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

СДЕЛАНО В КОНДРОВЕ

Иван СЕРГЕЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

В этих местах не раз бывал Пушкин. Он приезжал сюда, в глуши калужских лесов, на зеленые берега реки Суходрев, где работала бумажная фабрика, принадлежавшая жене Наталии Пушкиной, в девичестве Гончаровой.

Они из углов калужского краеведческого музея занимают экспонаты из бывшего поместья Гончаровых, владельцев знаменитой бумажной фабрики «Полотняный завод».

Тяжелые кресла, обитые голубоватым атласом, секретеры красного дерева, картины в широких золотых рамках не умеют рассказывать о прошлом, но они будут ламять. Они напоминают нам о стихах Пушкина, написанных в имении Гончаровых, о письмах в жене, в которых он мечтал покинуть Петербург и навсегда поселиться в Полотняном...

Нет ничего удивительного, что именно здесь, на старейших бумагоделательных предприятиях нашей страны, зародилось движение удмуртов бумажной промышленности, что рабочие Кондринцы одинаково страшно и обидно, что в таких руках нет самой передовой техники.

Но эта странность имеет свое объяснение, позволяющее понять причину такого удивительного в наши дни технического застоя.

Старинные бумажные фабрики, как правило, строились непосредственно у реки, на так называемой «нулевой отметке».

Ведь для производства одной тонны бумаги требуется 300 тонн воды. Каждую весну эти предприятия затоплялись, и на некоторое время выходили из строя.

Тоинко так же затопляются весной и фабрики на реках Шане и Суходреве.

Лет двадцать назад, на заре первой индустрии, шел разговор о постройке на реке Оже близ Балуги гидростанции на Оже близ Балуги. Плотина Калужской ГЭС должна была значительно поднять уровень Оже и ее притоков. А если они поднимутся, то бумаги фабрики окажутся под водой.

Прошли уже много лет, а к строительству ГЭС еще не приступили. Однако, что бы ни задумывали на фабриках — реконструкцию, модернизацию, серьезный или даже не очень капитальный ремонт, вроде перекрытия протекающих крыши, — на все следует стереотипный ответ: «Как ни будь обойдется, ведь все равно вас скроет зонтик!». Угроза затопления гасит творческую инициативу...

Все, что ни делают эти предприятия, в конечном счете, это затоплять бумаги.

Судя по высоким показателям работы трех фабрик, их коллективы могли бы, кажется, удовлетвориться достигнутыми успехами. Но нет способности ни на Кондринской, ни на Троицкой, ни на Полотнянозаводской фабриках, все, что ни строятся, — все это временно.

А между тем разговоры о затоплении Кондринской фабрики давно уже можно было бы прекратить. Гидроэнергопроект, обследовавший районы, которым может угрожать затопление, приготовил к 150-летию фабрики неплохой подарок. Оказывается, судьба политика ГЭС еще не приступила к фабрикам — реконструкции, модернизации, серьезный или даже не очень капитальный ремонт, вроде перекрытия протекающих крыши, — на все следует стереотипный ответ: «Как ни будь обойдется, ведь все равно вас скроет зонтик!». Угроза затопления гасит творческую инициативу...

Их много. Но остановившимся только на одном — самом главном: на энергетическом хозяйствстве.

Извините, слабое, то и дело выходящее из строя, оно требует срочной замены. Из-за перебоев и недостатка электропитания бумаги становятся простыни в промышленности.

Поступки, которые мы делаем, — это очень дорогие защитные сооружения — земляную плотину и обводный канал, можно не только предотвратить затопление Кондринской фабрики, но и навсегда избавить ее от весенних паводков. Ведь эти паводки обходят страну не в один сотню тонн потенциальной бумаги. И тогда, естественно, может встать вопрос о полном перевооружении фабрики: об этом здесь мечтают уже много лет.

Надо полагать, что к славному юбилею Кондринской бумажной фабрики — празднику, общему не только для всех трех старейших бумажных предприятий нашей страны, но и для советской культуры в целом, — все препятствия будут сняты, и юбилей вступит в новый, стоящий на пороге своего существования с лучшими надеждами, ижели он вступал в год

также.

Последний год послевоенной пятилетки должен стать началом новой эпохи для коллектива замечательных потомственных бумажников. Нужно дать им возможность министру тяжелого машиностроения тов. Н. С. Казакову и министру электропромышленности тов. И. Г. Кабанову. От них многое зависит.

А вслед за этим встанет во весь рост давняя проблема: как быть дальше? Неужели «золотые руки» бумажников будут продолжать работать на том же музейном оборудовании? Ведь действительно страшно и обидно, что в таких руках нет самой передовой техники.

Но и эта странность имеет свое объяснение, позволяющее понять причину такого удивительного в наши дни технического застоя.

Старинные бумажные фабрики, как правило, строились непосредственно у реки, на так называемой «нулевой отметке».

Ведь для производства одной тонны бумаги требуется 300 тонн воды. Каждую весну эти предприятия затопляются, и на некоторое время выходят из строя.

Тоинко так же затопляются весной и фабрики на реках Шане и Суходреве.

Лет двадцать назад, на заре первой индустрии, шел разговор о постройке на реке Оже близ Балуги гидростанции на Оже и ее притоках.

А если бы ни пахнущие свежей краской стены страсбургского приюта

Город на Днепре

— Вы говорите о будущем... А ведь об этом нельзя говорить, как о чем-то очень далеком. Иначе не поймешь его. Я думаю: будущее надо видеть сегодня во всем — в работе, в быту, в поведении товарища, в новшествии грамотности и культуры. Если сегодня не видеть этого, не добиваться, значит не видеть и не понимать будущего. Я думаю так...

Видимо, исходя из этого принципа, Ф. Павленков уединялся. Никому из трех строек он сообщал, что Никополь — торговое местечко на правом берегу Днепра с населением в 21 тысячу жителей, что в местечке есть пристань, четыре низших училища и общество взаимного кредита. Было это в 1899 году.

От этих описаний Павленкова остались только то, что Никополь — торговое местечко на правом берегу Днепра, который, хотя и зовут седым, но все же молод и величав.

Ничто этот город как бы разделен на две части. Вторая его половина еще насчитывает пятилетие, и выросла она вокруг Южнотрубного завода.

...В благоухании садов занимается здесь день. Свежий ветерок доносит из стены запахи скопленных хлебов и просушеннего сена. Пущинский край горизонта быстро растворяется в беззлачной синеве.

Хорошо! Воздух-то какой благодатный!

И это несомненно на то, что заводище стоит в самом центре, живет,ышит, грехочет станови.

В этот ранний утренний час из улиц и переулков, как в половодье ручьи вились в реку, так и вереницы велосипедистов и мотоциклистов вились на главную магистраль, ведущую к заводу. С каждой минутой число велосипедистов растет, и вскоре уже по проспекту машины с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Проехали велосипедисты, мотоциклисты, прошли немногие пешеходы. Пыхты, подкаты к воротам собственный поезд завода из самих пассажирских вагонов.

Дорога — в зале акций, кустарников и цветов. Они сопровождают вас до самых пешевых проходных. Газоны, скамейки в тени, чистота и опрятность на всей территории с первой же минуты вызывают глубокое душевное уважение к людям, работающим здесь.

...Пех большого проката стоял. Он так велич, что, стоя на одном его конце, едва различишь то, что происходит на другом. Собственно, этот пех — пехый завод. В первый миг кажется, будто бы и народу немного, и трудно понять, как огромная связка пемзокатанных заготовок, везя тонн в 25—30, попадают в прожекторную часть нагревательной печи, через некоторое время превращаются в грубы разные диаметров. Но стоит стать рядом со старшим вальцовщиком, — и картина превращения сырья в готовую продукцию открывается, как на ладони. Эт подачи заготовки в костомому крану до отражки трубы на наружку и наружную мифт все делают машины. А люди голью управляют, контролируют. Ритм работы напоминает хорошо выверенный высокочувствительный механизм. Здесь нельзя отойти от своего места или отвлечься чайкою посторонним. Малейшая суетливость одного рабочего нарушает ритм огромного и умного агрегата.

Все операции рассчитаны на секунды. Эти доли времени берутся, как нечто самое дорогое. Это и понятно. Если в 1948 году проката трубы, занимавшая 42 секунды, воспринималась, как большое достижение, то теперь 35—36 секунд никого уже не удовлетворяют. Люди ищут ча-

стисты секунды, чтобы, собрав их воедино, найти новые возможности и так же уже вновь перекрывающего проектную мощность стапа.

Со стороны старший вальцовщик Дмитрий Богатыренко напоминает капитана океанского корабля. Иные шутят, что фамилию ему дали уже после того, как он родился. Шутка, пожалуй, близка к истине. Высокий, широкогрудый, воинству с богатырскими волосами, он работает, как злесь говорят, художественно. И в самом деле: в каждом его движении что-то от большого и красного искусства.

Всю, с каким интересом я наблюдал за прохождением заготовки от заготовительной печи до охладительного стола, вальцовщик, когда улыбнулся и прокричал над ухом:

— Как в симфоническом оркестре!

Пожалуй, он прав. В этой фразе — и это любовь к своей профессии и суть, принцип работы на таком агрегате.

Тот же ритм тот же порок я видел во всех цехах, хотя они и разные по характеру производства. И если в цехе большого стапа поражает грандиозность агрегата, то, например, в цехе холодного волочения, то, например, в цехе, где бывают трубы с увеличением наблюдается, как совсем простые стаканы холодную трубу большого диаметра доводят до таких размеров, что полости труб можно разглядеть через лупу. Этот пех (как, впрочем, все остальные цехи) с меньшим, чем до волны, оборудованием превысил более чем на 20 процентов давоскную мощность.

Откуда пришли эти мощности, давшие коллективу возможность успешно спариваться с большими государственными задачами? Есть в этом вопросе сторона техническая и сторона политическая. О первой мне много говорили и директор завода и инженеры, и заключается она в том, что последние годы завод технически перевооружился. А вот о второй стороне хочется сказать словами лучших вальцовщиков области коммуниста Павла Самойловича Доли и комсомольца Анатолия Михайловского.

Наша беседа подходила к концу, когда Павел Самойлович, может быть, сам того не замечая, подвел ее итог.

— Вы говорите о будущем... А ведь об этом нельзя говорить, как о чем-то очень далеком. Иначе не поймешь его. Я думаю: будущее надо видеть сегодня во всем — в работе, в быту, в поведении товарища, в новшествии грамотности и культуры. Если сегодня не видеть этого, не добиваться, значит не видеть и не понимать будущего. Я думаю так...

Видимо, исходя из этого принципа, Ф. Павленков уединялся. Никому из трех строек он сообщал, что Никополь — торговое местечко на правом берегу Днепра с населением в 21 тысячу жителей, что в местечке есть пристань, четыре низших училища и общество взаимного кредита.

Было это в 1899 году.

От этих описаний Павленкова остались только то, что Никополь — торговое местечко на правом берегу Днепра, который, хотя и зовут седым, но все же молод и величав.

Ничто этот город как бы разделен на две части. Вторая его половина еще насчитывает пятилетие, и выросла она вокруг Южнотрубного завода.

...В благоухании садов занимается здесь день. Свежий ветерок доносит из стены запахи скопленных хлебов и просушеннего сена. Пущинский край горизонта быстро растворяется в беззлачной синеве.

Хорошо! Воздух-то какой благодатный!

И это несомненно на то, что заводище стоит в самом центре, живет,ышит, грехочет станови.

В этот ранний утренний час из улиц и переулков, как в половодье ручьи вились в реку, так и вереницы велосипедистов и мотоциклистов вились на главную магистраль, ведущую к заводу. С каждой минутой число велосипедистов растет, и вскоре уже по проспекту машины с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

Может быть, восторженность Михайловского — результат его молодости? Нет. От молодости здесь, пожалуй, только форма выражения мысли, а в остальном — реальная действительность. В самом близком будущем это будет поистине гигант индустрии, с техникой которой не смогут сравняться самые технически оснащенные заводы Европы. Чех большого проката стоял уже сейчас не имеет себе равных.

Сегодня Южнотрубный хороший спрашивается с программой, но ясное понимание будущего требует новых и новых форм проявления культуры как самого производства, так и каждого рабочего. Не может уже вальцовщик работать на стане, не понимая или не зная экономики всего цеха, завода и, если хотите, принципов экономического развития всего народного хозяйства. Вот почему рабочие ведущих профессий потребуют создания специализированных школ экономических знаний. Таких школ сейчас на заводе десять.

и кинжалов завода. Пятьдесят тысяч, кроме индивидуального строительства, которое было на помощь заводским организациям пришло очень широкий размах.

Мне довелось побывать в нескольких общежитиях для молодежи. Одно из них расположено примерно в двух километрах от завода. Здесь совсем недавно стояли, пригнувшись к земле, деревянные бараки, с боями комната для жилья. Этим летом последний деревянный барак торжественно сменился к художественным и жилым и руководителем завода.

Мне здесь каменные капитальные здания — в три этажа — окружены деревьев, цветущими газонами. В центре — спортивные сооружения, стационарная площадка для оркестра, кинотеатр, клуб, где есть библиотека, кружки самодельных мастеров, комната для занятий.

Мне довелось побывать в нескольких общежитиях для молодежи. Одно из них расположено примерно в двух километрах от завода. Здесь совсем недавно стояли, пригнувшись к земле, деревянные бараки, с боями комната для жилья. Этим летом последний деревянный барак торжественно сменился к художественным и жилым и руководителем завода.

Мне довелось побывать в нескольких общежитиях для молодежи. Одно из них расположено примерно в двух километрах от завода. Здесь совсем недавно стояли, пригнувшись к земле, деревянные бараки, с боями комната для жилья. Этим летом последний деревянный барак торжественно сменился к художественным и жилым и руководителем завода.

Мне довелось побывать в нескольких общежитиях для молодежи. Одно из них расположено примерно в двух километрах от завода. Здесь совсем недавно стояли, пригнувшись к земле, деревянные бараки, с боями комната для жилья. Этим летом последний деревянный барак торжественно сменился к художественным и жилым и руководителем завода.

Мне довелось побывать в нескольких общежитиях для молодежи. Од

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Жизнь личная и общественная

Я — старая читательница «Литературной газеты», старая и по своему читательскому стажу — читала ее со дня выхода первого номера, и по возрасту — мне уже за пятьдесят лет. Прочитала я статью А. Суркова «Драматургия и его главная тема», она мне понравилась и возбудила много мыслей.

В статье А. Суркова затронуты вопросы, живо интересующие не только писателей, но и читателей «Литературной газеты». Мне хочется остановиться на одном из них — о месте и значении темы любви и семьи в советской художественной литературе.

Товарищ Сурков совершенно прав, указывая, что наш советский быт находится в состоянии такого же революционного пересоззания, как и все остальные стороны нашей жизни. Это процесс борьбы социалистического сознания против пережитков капитализма в чувствах и мыслях людей, вличных поступках. И не прав, как мне кажется, автор другой статьи, затрагивающей этот вопрос, — товарищ А. Сурков, утверждая, что в нашей советской действительности бытова, питомная, любовная темы не могут получить самостоятельного решения потому, что личность у нас развивается в гармонии с общественной жизнью.

Борьба нового с «кроткими пятнами» прошлого в нашем быту идет медленнее, чем в сфере общественной деятельности советского человека. На заводе, в фабрике, в научной лаборатории, в колхозе мы живем «у всего мира на виду». Семья и сфера личных отношений все-таки удаются от контроля коллектива. Здесь пережитки старого легче удержаться, хотя бы и в виде изменившимся, замаскированным виде.

В советской действительности нет и не может быть трагических, неразрешимых конфликтов в личной жизни, по вообще конфликты в этой области существуют. Есть у нас и несчастливые супружества, есть и равнодушные, не понимающие своих детей родители, дети, не уважающие родителей. Иногда недостойно ведут себя в личной жизни такие люди, которые в общественной деятельности кажутся безупречными. Все эти явления исчезают по мере нашего продвижения к коммунизму. Но пока они есть, наша художественная литература и драматургия должны ярко и правдиво показать, как берется советский человек с пережитками прошлого в себе самом.

А в пьесах наших часто бывает так: герой или героиня в производственной жизни обретены горячо, интересно, вершила автору, что перед тобой сильный, мужественный новатор, борец... А начнет такой герой говорить о любви или «переживать» свою «семейную драму» — и тут же на глазах у зрителей или читателей ее сердце и тускнеет.

Вот пример из хорошей пьесы Б. Романова «Великая сила». Пока герой ее разговаривает о науке, об открытиях, о борьбе против рутин и т. д., — их смельчаки, честные речи воспринимаются, как сама жизнь. Но вот начинается сцена, где женщина руководителя научного института, профессора Лапкова, испытывает ренессанс, потому что ее муж увлечен молодой научной сотрудникой, — и просто удивляется: какая это бледная сцена! Конечно, я понимаю, что есть женщины, которые не-

многословны в выражении своих чувств. Но чувства-то есть! Надо показать в скрытых словах сдержанную силу, страсть, любовь, пронитившую сцену, где он говорит о любви, — честное слово, поповавшее даже как-то получается, бессердечно.

Люди ваши сильно чувствуют, сильно любят и радуются, и страдают сильно, но благородно. Почему же писатели наши так мало и неинтересно пишут о любви? Такие произведения очень нужны: они воспитывают молодежь в духе искренности, честности, жизнерадостности.

В том же спектакле «Великая сила» довольно было смотреть на молодую пару — doch профессора Лапкова — Любашу и молодого научного работника Дмитрия Ильинича. Девушки свое чувство выражало больше жестами, кружились, хватались за голову, бросаясь на ливан и т. д. Почему? Не потому, что актрисы плохие, а потому, что автор не нашел для них правдивых, задушевных слов.

Молодежь более эмоциональна, чем мы, пожилые люди, и если она не находит в литературе и на сцене правдивого, истинно-художественного рассказа о молодом, горячем, который на самопожертвование любви, то обращается иногда к произведениям антихудожественных, мешанинских, пытаясь в них найти ответы на волнующие каждого молодое сердце вопросы. Поэтому так важно, чтобы наши писатели показывали большую любовь, украшающую нашу.

Думало, что многие с волнением читали повесть В. Панова «Ясный берег». Удивительно у нее в книге обрисована эта пара: Алмазов и его подруга, приступившие к ее возвращению из госпиталя. Панова ложе ее имени не называла, а какой это привлекательный образ, яркий, трогательный в своей чистоте. Как драматично разрешается в повести острый конфликт между долгом и любовью! И обычно поэтому, что для показа любви другой пары — Марьяны и Дмитрия писательница не нашла таких же ярких и убедительных красок.

Правильно признавая, что основной темой советской драматургии должен быть геройический, творческий труд советского человека, А. Сурков отмечает также, что наш советский зритель хочет, чтобы театр показал и был и то, как люди объясняются в любви.

Мне кажется, что нашего зрителя интересует не только то, как люди объясняются в любви, а, главным образом, само это большое, глубокое и благородное чувство, которое побуждает к объяснению, и высокие чувства родительской любви, дружбы, верности, которые рождаются у человека в жизни.

Мы, читатели и зрители, ждем, что советская драматургия и театр покажут нам, наряду с основной темой — борьбы и победы в труде, и другую тему — тему борьбы и победы благородных, высоких, светлых чувств в быту, в личных и — и будем бояться этих слов — в любовных отношениях советских людей.

З. МЕЛЕЩЕНКО,
преподаватель высшего учебного заведения
ЛЕНИНГРАД

Советский читатель горячо любит свою родную литературу — литературу, которая помогает ему жить и бороться; он радуется каждой ее новой удаче, болеет за каждый промах. В письмах, которые ежедневно приходят в редакцию из разных концов страны, рабочие, колхозники, инженеры, педагоги, учащиеся делятся своими впечатлениями о прочитанной книге, о виденном спектакле, дают дружеские советы писателям, поправляют их ошибки. Даже к лучшим произведениям, получившим высокую общественную оценку, читатель относится с большой взыскательностью, призывают литераторов к дальнейшему совершенствованию своего мастерства.

Нередко читатели поправляют критиков, неправильные, предвзятое оценивших то или иное произведение. От зорких глаз советского человека не укроется любая неточность, неправдоподобие, фальшивость. Он хорошо знает жизнь и требует этого от своих писателей.

Резко критикуя всякое проявление недобросовестности и небрежности в литературной и редакторской работе, читатель в то же время с горячей благодарностью обращается к тем писателям и драматургам, которые своими произведениями открыли ему много нового, доставили эстетическую радость.

Сегодня мы публикуем ряд писем наших читателей.

Когда критикам мерещатся черти...

В газете «Бурят-Монгольской Уланы» была напечатана статья Ч. Цыдендамбаева и И. Нысенбова «Рассказы без воспитательного значения», подвергающая уничтожающей критики сборники рассказов для детей Ж. Балданжабона «У костра» и «Изо дня в день».

Критики, не видя стыда, выдергивают у писателя отдельные фразы и, оперируя ими, пытаются доказать, что данный рассказ порочен. В рассказе «У костра» Ж. Балданжабон описывает эпизод из жизни партизанского отряда Лаза в Забайкалье. «Посмотрим несколько отрывков», — пишут Ч. Цыдендамбаев и И. Нысенбов и приводят цитату: «Лазо размерзнувшись, щами поднялся на высоту, подошел к молодому командиру, отдававшему приказ о наступлении: — Еще один руку на его плечо, сказал: — Еще рано атаковать врага. Надо подождать немного». На основании этой выдержки критики приходят к грязному выводу. «Бесовы партизанский командир, герой гражданской войны, Сергей Лазо, — пишут они в письме, — в этом рассказе показан пассивный, безразличный, простым наблюдал... как говорится в бурятской пословице, — человеком, которого не может поднять лежащую овцу».

Если бы авторы статьи обладали чувством юмора, они не находили бы в литературе и на сцене прадливого, истинно-художественного рассказа о молодом, горячем, который на самопожертвование любви, то обращается иногда к произведениям антихудожественных, мешанинских, пытаясь в них найти ответы на волнующие каждого молодое сердце вопросы. Поэтому так важно, чтобы наши писатели показывали большую любовь, украшающую нашу.

Думаю, что многие с волнением читали повесть В. Панова «Ясный берег». Удивительно у нее в книге обрисована эта пара: Алмазов и его подруга, приступившие к ее возвращению из госпиталя. Панова ложе ее имени не называла, а какой это привлекательный образ, яркий, трогательный в своей чистоте. Как драматично разрешается в повести острый конфликт между долгом и любовью! И обычно поэтому, что для показа любви другой пары — Марьяны и Дмитрия писательница не нашла таких же ярких и убедительных красок.

Правильно признавая, что основной темой советской драматургии должен быть геройический, творческий труд советского человека, А. Сурков отмечает также, что наш советский зритель хочет, чтобы театр показал и был и то, как люди объясняются в любви.

Мне кажется, что нашего зрителя интересует не только то, как люди объясняются в любви, а, главным образом, само это большое, глубокое и благородное чувство, которое побуждает к объяснению, и высокие чувства родительской любви, дружбы, верности, которые рождаются у человека в жизни.

Мы, читатели и зрители, ждем, что советская драматургия и театр покажут нам, наряду с основной темой — борьбы и победы в труде, и другую тему — тему борьбы и победы благородных, высоких, светлых чувств в быту, в личных и — и будем бояться этих слов — в любовных отношениях советских людей.

З. МЕЛЕЩЕНКО,
преподаватель высшего учебного заведения
ЛЕНИНГРАД

Критикам невдомек, что дети есть дети и не веря в чертей и дьялов, они все же могут бояться темноты.

В книгах Ж. Балданжабона есть существенные недостатки. Слишком мало говорится о пионерской и комсомольской организации. Идея рассказов не всегда доставляет ясно воображение. В своей статье Ч. Цыдендамбаев и И. Нысенбов обязаны были указать на эти недостатки, но сделали это обоснованно, вдумчиво, добросовестно, не закрывая глаз на положительное значение сборников. А рассказы Ж. Балданжабона, безусловно, помогают делу коммунистического воспитания детей. Вот пионеры находит заложи каменного угля и с радостью думают о будущем городе Пионерске. Вот они участвуют в электрификации села. Воспитание дружбы русских и бурятских детей, чувствует интернационализма, любви к Родине воспроизведено многими рассказами.

Также несправедливы критики расправятся и со вторым сборником Балданжабона «Изо дня в день». Их возмущает, что людей, противостоящих электрикам, сравниваются с птицами, сидящими на вертикальных столбах» — вспоминают Цыдендамбаев и Нысенбов. Ханжество этой тирады не требует специальных пояснений.

В рассказах «Борис Балдан», «Кто видит?» «Чтого тебе не стыдно?» критики усмотрели низкие моральные качества советской молодежи на таком «внушительном» основании: герой одного из рассказов, мальчик, «заметил, что в помещении следилось темно, а по углам словно спирталась» — пишут они в письме, — а потом рассказы показаны пассивным, безразличным, простым наблюдателем... как говорится в бурятской пословице, — человеком, которого не может поднять лежащую овцу».

Статья Ч. Цыдендамбаева и И. Нысенбова — пример недобросовестной, вульгарной и вредной критики.

Ц. ДУГАР-НИМАЕВ, Б. РАБДАНО
с. АГИНСКОЕ,
Читинской области

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ...

Хочу обратить внимание на одну красноречивую мечту, замеченную мной в книге украинского писателя Наташа Рыбака «Переславская рать» (Всесоюзлит, 1949 г.). На 80-й странице жена Хмелницкого Елены сидит перед зеркалом. И «из него глянула ей в лицо черноволосая женщина с прямым носом»... А на 213-й странице же пани Елена представляет себе, как она, «горячая голова, на которой переплелись под солнцем копна золотистых волос, прогуливается... по саду...» Странная метаморфоза! Может быть, она произошла по вине первородника, разодинувшего в цвету женских волос?.. По хочется верить, что Н. Рыбак читает свою книгу, переведенные на русский язык. Досадно было бы предположить, что автор хороших книг плохо представляет себе портретный образ своей героини. И в этом случае мечта уже перестает быть мечтой. Хочется предупредить писателей: такие «мелодии» могут вызвать у нас, читателей, сомнения и по поводу более ответственных моментов в их произведениях.

E. ЗОТОВА

Песколько слов об оформлении одной из детских книг. На обложке повести И. Багмута «Счастливый день» супоровца Бринкитного пареной супоровец в фуражке с красными крыльями на фоне кипа. Я — супоровец с 1944 года, пин раза таких фуражек ни у кого не видел. А ведь форма супоровца единична и существует вот уже 7 лет. На 107-й странице изображен супоровец в израильской форме. И опять-таки приходится приподнимать художника: нет у наших мундиров ни разрезов, ни пуговиц сзади.

Возникает вопрос: видел ли когда-нибудь художник Маркович супоровец? Или супоровец представлял себе их образы?..

Пусть наши художники, так же как и писатели, изучают жизнь во всех ее подробностях и «мелочах».

Закир ЯНГУЗОВ,
выпускник супоровского училища
КАЗАНЬ

Пекарские из наших писателей все еще представляют себе нашу жизненную дорогу по «Сигналу» Гаринина. Вот выдернуты из современных книг и журналов.

Журнал «Огонек», № 23, 1947 г., стихотворение Сильвы Капутины в переводе В. Энгельштадта «Дума в вагоне»:

Вон стрелочник — старик с поварской кепкой.

Зеленый поднимает он флагжак...

Журнал «Звезда», № 7, 1947 г., стихотворение С. Ботвинника «Входите, пустите»:

И с зеленым флагжаком по пригорку проходит солдат —

Однорукий солдат в побеленой уже гимнастике.

Роман И. Бирюкова «Чайка», 1950 г., изд-во «Молодая гвардия», стр. 22:

«Женщина в форменной тужурке машет зеленым флагжаком, раздевая свисток, и голосом вагона оинят застужает».

Товарищи писатели! Не встремляйте у нас поезда зелеными флагжаками. В этом вы можете убедиться, постоив в пригородном поезде открытым окном и синий оинят перегор. Okolo 15 лет назад зеленые флагжаки заменили жестыми, и цвет их вполне может различить писатель, стремящийся продумать каждую деталь своего произведения.

A. БАКАНОВ,
инженер-капитан пути и строительства
ст. РЯЖСК

**

На латышском языке издана книга «Маковецкий — молодежь». В ней есть очень удачные переводы. Но странно, что редактор книги не заметил ошибок в переводах некоторых стихов.

Строчки:

От Батума,
чай, котлы покипят...

переведены в этом сборнике так:

От Батума твои котлы чай кипятят.

Мильда РИТМЕЙСТЕР

Латвийская ССР,
г. Висеите, школа-семилетка № 1

**

Государственное учебно-педагогическое издательство «Радянська школа» выпустило в 1949 году в серии «Школо-блілок» избранные произведения В. Маяковского. Это издание вызывает некоторые недоумения, вопросы к его составителю И. Ходоровскому и редактору А. Василенко.

В сборнике нет ни биографии поэта, ни вступительной статьи о его творческом пути, которые помогли бы юному читателю глубже понять творчество лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи.

Еще хуже, что в сборнике допущено грубейшее искашение текста Маяковского. Стихотворение «Блєн-эн уйтъ», мягко выражаясь, сокращено, а по сути дела — изуродовано составителем. Оно напечатано только словом:

В мозгу у Вилли
мало извилин,
мало всходов,
мало посева.

